

Лиана Голетиани

Буква, которой не хватало. О возвращении буквы г в законодательный украинский язык

1. Введение

Название предлагаемой статьи – синтаксическая аллюзия на статью *Літера, за якою тужать*, которую опубликовал Б. Антоненко-Давидович (1969) в газете “Літературна Україна” в конце так называемой ‘золотой’ пятилетки брежневской эпохи¹. Речь шла о букве Г, закрепленной в украинском алфавите еще в Грамматике Мелетия Смотрицкого для обозначения заднеязычного смычного взрывного звонкого согласного в ряде собственно украинских и иноязычных слов. Долгий путь, который прошла украинская графика и орфография, в XX веке выдался наиболее сложным (Огієнко 2001; Синявський 1931, Німчук 2002). В советский период использование буквы Г (наряду с буквой Г, обозначающей фрикативный звук) и целый ряд других норм, учитывающих как традиции центральной, так и западной Украины, вошли в так называемое Харьковское правописание 1928 года². В 1933 году это правописание было объявлено ‘буржуазно-националистическим’, в языковой политике установился жесткий курс на ‘сближение братских языков’, а нормы, отражавшие специфические черты украинского языка отменены. Графема Г, отсутствовавшая в русском алфавите, была попросту вынута из украинского алфавита³. Но развитие независимой лингвистической мысли продолжалось, и появление статьи Антоненко-Давидовича было ее

¹ Здесь не место для освещения социально-экономической ситуации Украины брежневского периода, ограничусь указанием на общий тон происходивших в обществе процессов. К концу 1960-ых в СССР проявились некоторые позитивные результаты так называемой ‘косыгинской’ реформы. Ее автором был украинский экономист, профессор Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либерман. Решая стратегические задачи советского правительства по экономическому развитию, концепция Либермана расширяла хозяйственную самостоятельность и стимулировала самоуправление предприятий и местных организаций, что способствовало общему более свободному выражению личной инициативы ‘снизу’. О культурном ренессансе в Украине 1960-ых см. в Масенко 2005: 19 и Yekelchuk 2015.

² 26 мая–6 июня 1927 г. в Харькове работала Всеукраинская конференция по правописанию, в которой были представлены авторитетные научные школы всех исторических украинских территорий. Она обсудила и приняла новые нормы правописания, принятые к исполнению в 1928 г. и введенные в действие в январе 1929 г. Окончательный вариант редактировал Олекса Синявський, внесший значительный вклад в кодификацию украинского языка (Синявський 1931, Синявський 1941). Синявський был репрессирован и расстрелян в 1937 г.

³ Издания эмиграции продолжали следовать нормам Харьковского правописания.

примечательным проявлением, учитывая жесткость тотальной идеологической цензуры. Уже через три недели после выхода статьи Антоненко-Давидовича газета опубликовала ответную статью В. Русанивского с не менее красноречивым названием “За чим тужити?”, сопроводив ее комментарием “редакция разделяет мнение автора” (Русанівський 1969). Должно было пройти еще более 20 лет, прежде чем буква была ‘реабилитирована’. Это произошло 14 ноября 1989 г., когда Орфографическая комиссия АН Украины утвердила новую редакцию Украинского правописания (см. также изменения в УП193 и УП199).

Указанные временные пересечения – сталинский 1933-ий, брежневский 1969-ый и горбачевский 1989-ый – равно как и политические метафоры (‘репрессии’, ‘реабилитация’), в истории этой буквы далеко не случайны. Эта история связана с лингвистической политикой в отношении украинского языка тех государственных образований, которые инкорпорировали территории, где проживали его носители. Ассимиляционная политика, которая проводилась на территориях, входивших в состав Российской империи, и, позднее, Советского Союза, сказывается на лингвистической ситуации в Украине и сегодня. Это объясняет тот интерес к ее исследованию, который проявляют разные междисциплинарные направления – социолингвистика, политическая и диахроническая лингвистика, контактная лингвистика, постколониальная история и др. (Shevelov 1989, Besters-Dilger 2003, Масенко *и др.* 2005, Bulli 2007, Flier *и др.* 2017):

Розвиток української мови впродовж усього XX століття мав частіше насильницький, аніж еволюційний характер, і мотивувався ідеєю боротьби з українським буржуазним націоналізмом, обґрунтовуючись пролетарським інтернаціоналізмом та необхідністю зближення націй. У мовознавстві лозунги пролетарського інтернаціоналізму та зближення націй і мов доволі швидко перетворилися на доктрину, систематично опрацьовувану в ідеологічних документах 1930-1970-х років, які спричинили значну нівеляційну динаміку лексичного складу української мови (Масенко *и др.* 2005).

Политика искусственного сближения языков и формирование украинского новояза охватывали все уровни, не только лексический. Вследствие этого естественные для эволюции языков и их кодификации процессы конвергенции и консолидации в украинском языке деформировались во всех его подсистемах, включая фонетическую и орфографическую. Идеологическое вмешательство, увеличивая число социолингвистических факторов, обуславливающих вариативность в произношении и правописании, приводило к искажениям в развитии письма и речи в исторической проекции, которые проявлялись уже у второго поколения носителей языка. На рубеже тысячелетий перед украинским научным сообществом встал непростой вопрос: в какой мере следует запустить ‘реабилитационные’ процессы в украинском языке, какими инструментами может проводиться политика лингвистической ‘деколониализации’, чтобы нивелировать ‘вред’, нанесенный десятилетиями тоталитарного пе-

риода. О проблемах правописания в среде лингвистов вспыхнула и по сей день не прекращается оживленная дискуссия, иногда – в крайне полемических формах⁴.

2. Дизайн исследования

2.1 Актуальное состояние проблемы

Если попытаться обобщенно представить весь континуум мнений, высказанных за прошедшие 25 лет относительно кодификации буквы *Ґ*, то можно разделить их на два разнонаправленных подхода – расширительный и ограничительный. В соответствии с первым сфера буквы должна была быть расширена в сторону большей преемственности с нормами Харьковского правописания. В этом русле лежали и достаточно умеренные меры, предложенные в проекте редакции УП99, но так и не принятые (см. об этом Німчук 2001, Вихованець 2004, Фаріон 2004). Согласно проекту буква должна была вернуться в написание иностранных собственных имен, например: *Вепрілій, Герель, Васко да Гама*. В то же время представители ограничительного подхода предостерегали от чрезмерного расширения и даже допускали вариантное использование *Ґ*:

Безоглядне впровадження літери Ґ завдало б непоправної шкоди українській мові. Важко збагнути намагання в українському правописі розширити сферу вживання літери Ґ. Доцільніше було б запропонувати цю літеру до вжитку тільки в давно запозичених і зукраїнізованих словах, а в деяких випадках допустити варіантність. Приміром, уживати не тільки *ґрунт*, але й *грунт*. (Головашук 2001: 4)

Каким образом законодательные тексты следуют обозначенным подходам, будет проанализировано в четвертой части статьи. Забегая вперед, отметим, что естественная в языке вариативность не должна один к одному отражаться в нормативной вариантности⁵ и противоречит требованию терминологической унификации – важнейшему в специальных языках.

Наряду с интенсивной полемикой относительно формы и содержания орфографических норм ощущается дефицит как специальных, так и обобщающих дескриптивных исследований узуса. Тогда как нормотворческая дискуссия необходимым образом должна учитывать все три члена в 'треугольнике' система – норма – узус

⁴ Литература по этим вопросам насчитывает более сотни публикаций, назову лишь важнейшие общие монографии и сборники, а также статьи, касающиеся непосредственно буквы *Ґ*: Грицак 1995, Головашук 2001, Вихованець 2004, Купчинський 1996, Купчинський 1997, Німчук 2001, Німчук 2002, Пономарів 2002, Русанівський 2002а, Русанівський 2002б, Сіренко, Кузишин 2009, Фаріон 2004.

⁵ О разграничении понятий *вариантность* и *вариативность* и типах вариативности см. Berruto 2007 и Lasselsberger 2000. Здесь под вариантностью понимается допущение вариантов в кодификации, а под вариативностью – функционирование вариантов в узусе.

(ср. Lasselsberger 2000: 6). Именно социолингвистические исследования диастратической и диатопической вариативности, выполненные с привлечением обширных эмпирических данных диахронии и синхронии, помогли бы пролить свет на реальное функционирование установленных ранее норм и оптимизировать нормотворческую работу в будущем.

Среди известных нам диахронических исследований заслуживает внимания работа Berger 2014. Автор на материале учебной литературы исследовала применение орфографических норм, циркулировавших в Галиции в период между первой и второй мировыми войнами, сосредоточившись, в том числе, и на вызывавших частые разногласия правилах передачи иностранных собственных имен. Работа предоставляет ценную информацию для понимания причин того компромисса, который был найден в Харьковском правописании 1928, отразившем, в том числе, орфографические традиции Западной Украины. Во многом благодаря усилиям этой части украинской интеллектуальной элиты, а также издательской деятельности диаспоры и ученых-эмигрантов украинское лингвистическое разнообразие было сохранено на протяжении многих десятилетий, и это наследие вызывает сегодня острый интерес в перспективе эколлингвистических и постколониальных исследований. Вместе с тем, хотелось бы напомнить постулат, которого придерживался Олекса Горбач вслед за своим учителем Василем Симовичем, о чем свидетельствует Закревська (1995: 70): “З правопису не слід творити ‘святощів’, ‘фетиша’, а тим більше пов’язувати з ним різні національно-політичні програми”. Научно обоснованная орфографическая норма должна согласно Горбачу учитывать три критерия: историчность, традиция, узуальность (Закревська 1995: 71). Именно поэтому наряду с исследованиями на историческом материале необходимы исследования орфографической вариативности, выполненные на материале узуса последнего периода в профессиональных группах, наиболее релевантных для стабилизации правописания сегодня. Примерами таких работ, хотя и крайне ограниченных по объему, можно считать публикации Маргалик 2005 и Чепурко 2014. В первой показаны основные тенденции в использовании действующих норм в речи украинских тележурналистов, во второй – в языке газет. Маргалик 2005 приходит к выводу об устойчивости вариантной нормы: в то время как журналисты канала СТБ активно придерживаются правил Харьковского правописания, на других каналах наблюдается хаотическое использование разных вариантов. Чепурко 2014 фиксирует большой диапазон отклонений не только в разных региональных изданиях, но даже на страницах одного и того же издания. Отметим, что Харьковское правописание в использовании буквы *Г* строго придерживается ряд известных писателей и журналистов и таких авторитетных издательств как “Критика” или “Видавництво Старого Лева”. Данный факт представляет собой интересный социокультурный феномен намеренного игнорирования стандарта со стороны наиболее престижного социального слоя, демонстрирующего высокий уровень металингвистического сознания и культурной памяти.

2.2. Задачи и структура исследования

Как представляется, любые дальнейшие шаги по совершенствованию орфографических норм могут быть предприняты только на основании широкомасштабных и дифференцированных (относительно типа эмпирических данных) исследований узуса, привлекающих инструментарий корпусной и количественной лингвистики. В последнее время количественные или статистические методы успешно применяются для решения разных задач в социолингвистике (Berruto 2007; Gries 2008). Даже простейшие инструменты этих методов могут прояснить действительное применение уже существующих норм относительно графического знака Г с момента его возвращения в украинский алфавит.

В данном исследовании речь будет идти о диахронической и диастратической вариативности, касающейся использования буквы Г в современных законодательных текстах. В частности ставятся следующие задачи:

- установить ряд продуктивных терминов, в которых согласно действующей норме должна использоваться буква Г и выбрать из них *convenience sample*;
- определить для *convenience sample* количественные показатели двух узуальных вариантов написания – нормативного с буквой Г (действующий УП93) и отклоняющегося от нормы – с буквой Г (бывшее ‘советское’ правописание);
- проследить минидиахроническую вариативность узуальных вариантов для *convenience sample*;
- выявить степень влияния нормы, установленной Харьковским правописанием 1928.

Период исследования охватывает с 1991-го (первый год после ее возвращения в действующий украинский алфавит) по 2016 год включительно. Как показывают результаты в Goletiani 2015 и Goletiani 2016, указанный 25-летний период функционирования украинского языка в качестве государственного оказался достаточным для оживления и стабилизации его некоторых специфических черт в морфологии и синтаксисе, находившихся в ‘репрессированном’ и/или ‘депрессированном’ состоянии в советский период, когда в сфере права доминировал русский язык. Правомерно ожидать, что и в орфографической области протекают подобные процессы. Что касается буквы Г, то диахронический анализ данных об использовании ранее отсутствовавшего графического знака не только даст дополнительный штрих к общей картине орфографической вариативности в свете действующих норм, но и позволит диагностировать дальнейшие изменения в этом аспекте. Описанию корпуса, примененных методов, хода и результатов исследования посвящена предпоследняя – четвертая часть статьи. В третьей части будет представлена действующая норма и наиболее часто критикуемые в научной литературе ее недостатки. В заключительной пятой части будут сформулированы выводы и намечены возможные перспективы предложенного исследовательского направления.

3. Буква Г в последней редакции украинского правописания: чем руководствоваться?

Действующая норма украинского правописания посвящает использованию буквы Г параграф 15, он входит в первый раздел *Правописание основы слова*, а именно – в подраздел *Буквенные обозначения звуков* и устанавливает, какие звуки передает эта буква. Для лучшего понимания использования этой буквы данную норму необходимо рассматривать вместе с нормой о букве Г, обозначающей ‘конкурирующий’ фриктивный звук в § 14. Ниже дан дословный перевод содержания этих параграфов (Мазніченко и др. 2015: 20 и 119-120):

§ 14. Буква Г

Буква Г передает на письме гортанный согласный как в украинских словах: *гадка, гей, могутній, плуг*, так и в иноязычных (вместо *h, g*) более давнего происхождения: *газета, генерал, грамота, Євангеліє; Гегель, Гомер, Англія, Гаага*, а также в недавних часто используемых заимствованиях, особенно в звуко сочетаниях *гео-, -лог-, -гог-, -грам-, -граф-*: *агітація, агресія, горизонт, магазин, географія, геологія, педагог, кілограм, фотографія* (см. также § 87).

§ 15. Буква Г

Буква Г передает на письме заднеязычный смычный согласный как в украинских словах, так и в давно заимствованных и украинизированных: *агрус, гава, газда, гандж, ганок, гатунок, гвалт, гвалтувати, гетати, гедзь, гелготати, герготати, герготіти, гигнути, гирлига, глей, гніт* (в лампе), *гогель-могель, грасувати, грати* (существительное), *гратчастий, гречний, grindжолі, ґрунт, гудзик, гуля, джигун, дзиґа, дзиґлик* и в подобных, в образованных от них, а также в фамилиях *Галаган, Гудзь* и подобных.

Замечание.

В собственных наименованиях иноязычного происхождения этимологический *g* согласно с установившейся традиции произносится как *г*; однако сохранение *g* в произношении не является нарушением орфоэпической нормы. Итак, правильным является произношение: *Гданськ* и *Гданськ, Гренландія* и *Гренландія, Гібралтар* и *Гібралтар; Гарібальді* и *Гарібальді, Гете* и *Гете*.

Кроме того, учитывая частичную преемственность с нормами Харьковского правописания 1928, целесообразно привести норму, зафиксированную в параграфе 87. Эта норма входит в третий раздел, посвященный правописанию слов иноязычного происхождения, в частности, заимствований из языков, использующих латиницу.

§ 87. *G i h* обычно передаются буквой *г*: *авангард, агітація, агресор, гвардія, генетика, гімнастика, гоніометр, грандіозний, графік, гроз, ембарго, лінгвістика, міграція; гандбол, гегемонія, гектар, гербарій, герцог, гінді* (мова), *гіпотеза, горизонт, госпіталь, гугенот, гумус; Гаага, Гавана, Гавр, Гарвард, Гаронна, Гвінея, Гельсінгфорс, Гельсінкі, Гіндустан, Гренландія, Греція, Йоганнесбург, Люксембург; Ганнібал, Гейне, Гете*,

Гізо, Гомер, Горацій, Горн, Гюго, Магомет. В отдельных словах английского происхождения *h* передается буквой *х*: *хобі, хокей, хол; Хемінгуей* и др. (Мазніченко и др. 2015: 119-120):

Итак, в замечании к параграфу 15 эксплицитно устанавливается орфоэпическая и орфографическая вариантность. Помимо этого бросаются в глаза нечетко установленные границы между сферами использования *Г* и *Г*, во-первых, в тех формулировках, где норма выражается с помощью аппроксимативных *особенно, часто, обычно, в отдельных случаях*, во-вторых, в открытых (но частично совпадающих!) списках примеров по аналогии. Такие формулировки не могут не вызывать разночтений и альтернативных подходов к их применению. Для тех носителей украинского языка, кто не ознакомлен с периодизацией процессов заимствования иноязычной лексики, различать классы давних и недавних заимствований вряд ли под силу. Не говоря уже о том, что степень освоенности иноязычного слова – величина переменная, и однозначная категоризация внутри процесса адаптации невозможна. Поэтому в исторически сложившейся ситуации вариативного узуса, которая наблюдалась в Украине на рубеже тысячелетий (Oswald 2003: 321), подобным образом сформулированная норма сама может стать дополнительным фактором социолингвистической вариативности:

Orthographische Varianten können mit den Wechselbeziehungen von generellen und singulären Regeln, mit der Ungenauigkeit, der Unklarheit oder dem Fehlen genereller Regeln [...] im Zusammenhang stehen. (Nerius 1989: 277)

Неудивительно, что эти и другие нормы продолжают оставаться предметом постоянной критики не только внутри научного сообщества, но и в среде издателей, писателей, учителей, журналистов (Альберда 2014; Григор'ева 2013; Харченко 2004). Отчасти неудовлетворительность эксплицированных действующих норм⁶ компенсируется в лексикографических и справочных изданиях. В 1993 г. вышел специальный справочник (Паночко 1993), а первое издание ОСУМ (Головащук и др. 1994) было дополнено реестром слов, которые должны писаться с буквой *Г* (см. также СУМ-11, Голоскевич 1929, Пономарів 1997 и другую справочную литературу в библиографии). Ряд лексикографических источников после переработки был переиздан в 2000-ые годы⁷. Различия реестров слов с буквой *Г* в этих источниках кодификации заслуживают отдельного исследования и выходят за рамки задач этой статьи.

⁶ О различии между эксплицированными нормами и имплицитными (или данными) нормами и соответствующими источниками кодификации см. Lasselsberger 2000, Nerius 1989.

⁷ Общий обзор состояния современной украинской лексикографии см. в Німчук 2012.

4. *Буква Г в законодательных текстах: эмпирическое исследование вариативности*

Выбор законодательных текстов в качестве корпуса исследования предопределен несколькими причинами. Во-первых, законодательные документы согласно закону о государственном языке⁸ должны издаваться на украинском языке, и естественно ожидать именно в этих текстах соблюдение закона. Во-вторых, эти документы содержат большое количество терминологических единиц, что предполагает их соответствие требованию унификации. Вместе с тем, такие факторы как многолетнее доминирование русского языка в языке права и коллективная языковая инертность не могут не способствовать привычному использованию буквы Г вместо вновь действующей буквы Ґ. Верификация этих гипотез и решение задач, указанных во второй части составляет содержание следующих этих параграфов.

4.1. *Материал и методы исследования*

Материалом эмпирического исследования послужили те законодательные тексты, которые находятся в свободном доступе на сайте Верховной Рады (<<http://zakono.rada.gov.ua/laws>>) в электронной форме. Хотя в данном случае мы не имеем дело с лингвистическим аннотированным корпусом, данная база текстов предоставляет ценную возможность поиска во всем массиве законодательных документов, вышедших в Украине за рассматриваемый период. Эта характеристика повышает общую объективность выводов и оптимально отвечает целям предполагаемого диахронического исследования. База данных (в дальнейшем – корпус) снабжена аппаратом, посредством которого возможен быстрый и удобный поиск конкурирующих вариантов написания любого слова, содержащего не менее трех букв, с учетом разных параметров. Для целей нашего минидиахронического исследования релевантным является только временной параметр, так как он дает возможность дискретного представления количественных показателей. Недостатком такого способа получения данных является его трудоемкость: при поиске определенного варианта написания того или иного слова за тот или иной год приходится не только каждый раз задавать одни и те же параметры, но и в ручном режиме просматривать все тексты, так как система выдает только список документов, в которых зафиксирована искомая графическая комбинация, а не текстовый фрагмент, как это происходит в лингвистических корпусах. Кроме того, необходимость мануальной перепроверки связана с тем, что несмотря на установленный законом 1989 года переход законодательства на государственный язык, часть документов за рассматриваемый период имеется только в русскоязычной версии. Учитывая, что графема Г есть и в русском алфавите и некоторые словоформы в двух языках совпадают (например, для пар укр. *грунт* / *грунт* – русск.

⁸ Функции государственного языка были закреплены за украинским в статье 2 закона *О языках в Украинской ССР* от 28 октября 1989 года, действовавшего до принятия закона *Об основах государственной языковой политики* 2012 года, см. об этом в Moser 2013.

грунт, укр. *гендер* / *гендер* – русск. *гендер*), то существовал риск включить в число документов русскоязычный текст и тем самым исказить количественные показатели. Однако полнота статистических данных, которые можно получить при таком методе, явилась тем преимуществом, что перевесила все недостатки.

4.2. *Ход и результаты исследования*

Первым шагом исследования было установление исчерпывающего ряда терминов и терминологических сочетаний, в которых согласно действующему правописанию используется графема Г. В настоящий момент корпус насчитывает 48820 терминов. Из них методом сплошной выборки были извлечены 50, ниже приводится их полный список.

1. Автомобільна дорога ґрунтова
2. Агроекологічне обґрунтування
3. Агрохімічне обстеження ґрунтів
4. Безпосереднє скидання у ґрунтову воду
5. Бонітування ґрунтів
6. Вільний рух ґрунту
7. Гендер
8. Гендерна рівність
9. Гендерно-правова експертиза
10. Ґрунт
11. Ґрунтова вода
12. Ґрунтова маса
13. Ґрунтові води
14. Ґрунтова кірка
15. Ґрунтовий контроль
16. Ґрунтове обстеження
17. Ґрунтовий покрив земельних ділянок
18. Ґрунтові покриття, оброблені в'язкими матеріалами
19. Деградація ґрунтів
20. Добрий стан ґрунтової води
21. Дорога ґрунтова
22. Забруднення ґрунтів
23. Згвалтування
24. Екологічно обґрунтоване поводження

25. Економічно обґрунтовані витрати
26. Масив ґрунтової води
27. Медико-біологічне обґрунтування терміну придатності до споживання природних лікувальних ресурсів, у тому числі преформованих засобів
28. Містобудівне обґрунтування
29. Науково-біологічне обґрунтування
30. Наявний запас ґрунтової води
31. Невиконання умов зняття, збереження і нанесення родючого шару ґрунту
32. Необґрунтований показ насильства
33. Необґрунтоване попередження
34. Нецільове або необґрунтоване використання коштів
35. Обґрунтована відмова у взаємоз'єднанні
36. Обґрунтоване попередження
37. Обґрунтування тимчасової непрацездатності в разі захворюваності та травми
38. Органічні добрива та покращувачі ґрунту
39. Охорона ґрунтів
40. Пікове прискорення ґрунту
41. Попереднє техніко-економічне обґрунтування національного проекту
42. Родючість ґрунту
43. Охорона ґрунтів
44. Пікове прискорення ґрунту
45. Попереднє техніко-економічне обґрунтування національного проекту
46. Родючість ґрунту
47. Спеціальний дозвіл на зняття та перенесення ґрунтового покриву (родючого шару ґрунту) земельних ділянок
48. Стан ґрунтової води
49. Техніко-економічне обґрунтування
50. Якість ґрунту

Как видно из списка, самым продуктивным является слово, состоящее из корневого морфа *грунт*. Оно мотивирует образование ряда однокоренных слов - *ґрунтовий* (русск. 1. *грунтовой*; 2. *основной*), *обґрунтувати* (русск. *обосновать*), *обґрунтування* (русск. *обоснование*). *Ґрунт* и производные от него содержатся в 46 терминах и терминологических сочетаниях из разных специальных областей – геологии, экологии, экономики, права. В образовании еще трех терминов участвует слово с корневым морфом *гендер* (русск. *гендер*) и производное от него *гендерний* (№ 7, 8, 9). От корневого морфа *гвалт* (русск. *насилие*) образован еще один термин – *згвалтування* (русск.

изнасилование – № 23). Этот первый промежуточный результат направил дальнейшие шаги исследования – поиск во всем корпусе обоих вариантов написания корневых морфов *грунт* / *грунт*, *гендер* / *гендер* и *гвалт* / *гвалт* – как в составе терминов, так и в однокоренных словах с нетерминологическим значением.

Как и ожидалось, варианты пары *грунт* / *грунт* зарегистрированы в самом значительном числе документов – 4781 и 2066 соответственно. Вариативность в написании *грунт* показана в примерах (1) и (2). В скобках для каждого примера указывается наименование документа, его жанр, дата и номер.

- (1) При заповненні окремих рядків таблиці 2 Звіту для відображення скидів шахтно-кар'єрних вод, що не використовуються, колекторно-дренажних вод, що відводяться з метою зниження рівня *грунтових* вод [...] (*Про затвердження Порядку ведення державного обліку водокористування*, Наказ, 16.03.2015).
- (2) За умовами карантинного обмеження в неблагополучних пунктах забороняється... закопування трупів тварин, які загинули від емфізематозного карбункула, у місцевості з високим рівнем *грунтових* вод. (*Про заходи з профілактики та боротьби з емфізематозним карбункулом*, Інструкція, 10.10.2000 № 47).

Варианти пары *гендер* / *гендер* зустрілись в 89 і 365 документах. Ети варіанти показані в прикладах (3) і (4):

- (3) [...] сприяння забезпеченню *гендерної* рівності оплати праці в усіх сферах економічної діяльності шляхом посилення державного та громадського контролю, поступового введення гендерних квот на державних підприємствах [...] (*Про схвалення Стратегії подолання бідності*, Розпорядження, 16.03.2016 № 161-р).
- (4) Забезпечення *гендерної* рівності є складовою частиною Принципів державного управління, що передбачає здійснення відповідних заходів на всіх етапах реалізації цієї Стратегії. (Деякі питання реформування державного управління України, Розпорядження, 24.06.2016 № 474-р).

Варианти *гвалт* / *гвалт* в корневом морфе терміна *згвалтування* и в личных формах глагола *згвалтувати* – в 46 и 73 документах соответственно. Варианты написания этого термина – *згвалтування* / *згвалтування* – показаны в примерах (5) и (6):

- (5) [...] згвалтування неповнолітньої чи неповнолітнього, малолітньої чи малолітнього або таке, що спричинило особливо тяжкі наслідки [...] (*Про затвердження Інструкції про порядок залучення працівників органів досудового розслідування поліції* [...], Наказ, 03.11.2015, № 1339).
- (6) За таких обставин необхідно визнати, що з боку Ш. мало місце не *згвалтування* неповнолітньої, а замах на цей злочин (*Вчинення замаху на згвалтування* [...], Ухвала, 26.05.1998).

Таблица 1.
Вариативность *грунт*, *гендер* и *гвалт*

ВАРИАНТЫ	<i>грунт</i>	<i>грунт</i>	<i>гендер</i>	<i>гендер</i>	<i>гвалт</i>	<i>гвалт</i>
КОЛ-ВО ДОК-ТОВ	4781	2115	89	361	46	73

Для большего контраста были приведены текстовые фрагменты, содержащие идентичные словоформы. Этим подчеркивается, что орфографическая вариативность никак не зависит от контекста, и нарушение нормы (написание с Г) объясняется, по-видимому, недосмотром составителей и редакторов. Еще более однозначно фактор орфографической инертности выступает в тех случаях, когда оба варианта написания встречаются в пределах одного документа. Примеры (7) и (8) взяты из одного текста и иллюстрируют оба варианта написания термина *грунт*:

- (7) об'єкт регулювання - будь-яка рослина, рослинний продукт, склад, пакувальний матеріал, транспортний засіб, контейнер, *грунт* і будь-який інший організм, об'єкт або матеріал, що може слугувати місцем укриття шкідливих організмів або сприяти їхньому поширенню (*Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Республіки Сербія* [...], Угода, 06.06.2013)
- (8) Упаковка та пакувальні матеріали повинні бути вільними від *грунту* (*Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Республіки Сербія* [...], Угода, 06.06.2013).

Полученные показатели для вариантных пар в документах за период с 1 января 1991 года по 31 декабря 2016 года приводятся в ТАБЛИЦЕ 1.

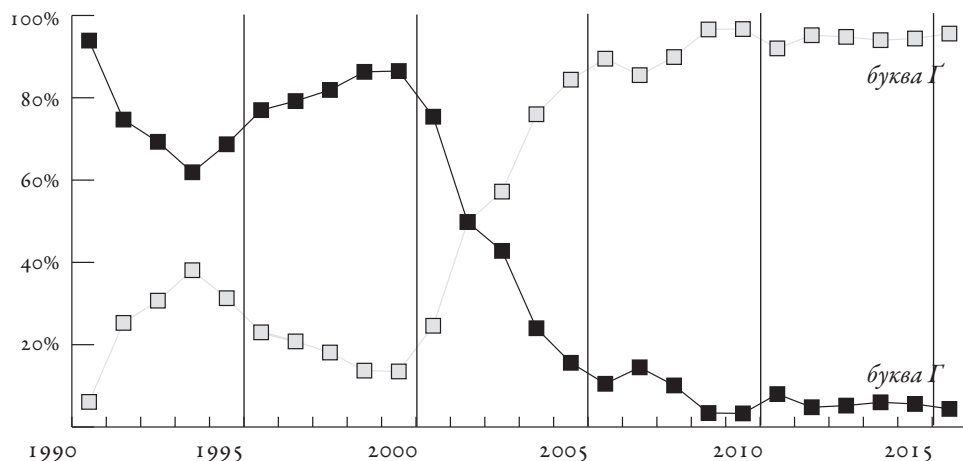
Следующим шагом исследования стало исследование диахронической вариативности для наиболее продуктивного корневого морфа *грунт*. Для того чтобы проследить динамику изменения процентного соотношения вариантов *грунт* и *грунт*, полученные количественные показатели были представлены для каждого года в виде таблицы. Таблица содержит: 1) количество всех законодательных документов, помещенных на сайте, 2) количество документов, в которых используется вариант с Г и его процентное отношение к сумме двух вариантов, 3) количество документов, в которых используется Г и его процентное отношение к сумме двух вариантов, 4) общее количество документов (сумма двух вариантов) и его процентное отношение к количеству всех законодательных документов за этот год. ТАБЛИЦА 2 содержит перечисленные данные для вариантов *грунт* и *грунт*.

Для большей наглядности на основании полученных показателей, взятых в процентном соотношении, был построен ГРАФИК 1. Он четко показывает, что ситуация за прошедшие 25 лет перевернулась: из периферии узуса в 1991 г. (6,1 %) буква

Таблица 2.
Статистические данные вариантов *грунт* и *грунт* за 1991-2016 гг.

год	все документы	написание корня с буквой Г		написание корня с буквой Г		общее количество документов	
1991	1.910	46	93,9%	3	6,1%	49	2,6%
1992	3.768	74	74,7%	25	25,3%	99	2,6%
1993	4.783	97	69,3%	43	30,7%	140	2,9%
1994	4.783	78	61,9%	48	38,1%	126	2,6%
1995	6.249	90	68,7%	41	31,3%	131	2,1%
1996	7.128	127	77,0%	38	23,0%	165	2,3%
1997	6.727	126	79,2%	33	20,8%	159	2,4%
1998	7.568	127	81,9%	28	18,1%	155	2,0%
1999	9.120	139	86,3%	22	13,7%	161	1,8%
2000	7.302	166	86,5%	26	13,5%	192	2,6%
2001	7.246	190	75,4%	62	24,6%	252	3,5%
2002	8.458	165	50,2%	164	49,8%	329	3,9%
2003	9.206	137	42,8%	183	57,2%	320	3,5%
2004	11.564	126	24,0%	399	76,0%	525	4,5%
2005	11.636	99	15,6%	534	84,4%	633	5,4%
2006	10.336	48	10,5%	407	89,5%	455	4,4%
2007	10.822	95	14,5%	560	85,5%	655	6,1%
2008	9.850	38	10,1%	338	89,9%	376	3,8%
2009	10.360	8	3,4%	227	96,6%	235	2,3%
2010	11.924	9	3,3%	266	96,7%	275	2,3%
2011	9.625	23	8,0%	263	92,0%	286	3,0%
2012	10.262	16	4,8%	316	95,2%	332	3,2%
2013	7.617	12	5,2%	219	94,8%	231	3,0%
2014	10.078	10	6,0%	156	94,0%	166	1,6%
2015	8.173	11	5,6%	185	94,4%	196	2,4%
2016	6.853	9	4,4%	195	95,6%	204	3,0%

График 1.
Динамика вариативности для вариантов *грунт* и *грунт*

Ґ перешла в абсолютно доминантную позицию (95,6 %). Этот путь не всегда был поступательным в 1990-ые гг. После резкого роста в первой половине, наступил спад во второй половине 1990-ых. Реверс закончился в 2000-ом, и к 2003 г. частотность Ґ и Г сравнялась. Достигнув 90 %-ной отметки в 2006 г., Ґ достаточно стабильно доминирует в течение последних десяти лет.

Наконец, для того чтобы составить более полную картину о тенденциях использования буквы, в корпусе был произведен поиск вариантов написания тех терминов, которые согласно действующей норме пишутся с Ґ, в то время как их написание с Г устанавливалось Харьковским правописанием. Для этого в списке терминов были выбраны четыре продуктивных заимствования, в написании которых действующая норма и Харьковское правописание расходятся. В качестве таких *convenience sample* рассматриваются *міграція*, *агресія*, *агітація*, *агентство* и однокоренные (ср. их написание в Голоскевич 1929 и Мазніченко и др. 2015, а также СУМ-11). Вне корпуса написание *міграція* и *агресія* (в соответствии с нормами Харьковского правописания) встречается в текстах разных жанров регулярно, что иллюстрируется в примерах (9) и (10):

- (9) Перевірено також відомості останньої праці, що підсумовує набутки еміграції, – це фундаментальне п'ятитомове видання *The Encyclopedia of Ukraine* (1-5), що вийшло в Торонто (Білокінь 2010).
- (10) Нагота, голе тіло – надзвичайно потужний художній прийом у сценічному мистецтві. Багато хто з ним просто бавиться. Але дедалі частіше він сигналізує про рівень *агресії* у суспільстві, вимагає говорити про це без будь-яких застережень,

прикрас, з усією можливою відповідальністю перед земним призначенням людини (Кужельний 2016).

Однако в нашем корпусе, как показала проверка, эта тенденция к расширению сферы использования буквы не нашла подтверждения. Как и следовало ожидать, для этого и подобных случаев здесь соблюдается действующая норма: вариант написания с Г (термин *міграція* и однокоренные с ним) встретился в 2025 документах, а вариант написания с Ґ (*мігрант*) зафиксирован только в одном документе – переводе Договора об основании ЕС, в редакции 2005 г. Два варианта написания представлены примерами (11) и (12):

- (11) *міграція* або сезонний переліт птахів - регулярне щорічне переміщення або переселення птахів на відносно великій відстані [...] (*Про затвердження Правил* [...], Наказ, 15.09.2016 № 478)
- (12) [...] належить ухвалювати заходи, потрібні, щоб втілити в життя свободу пересування працівників, через введення системи, що забезпечує працівникам-*мігрантам*, які працюють за наймом чи самостійно [...] (*Договір про заснування Європейської Спільноти*, Договір, 25.03.1957, ред. 01.01.2005)

Подобная ситуация наблюдается и для написания термина *агресія* и его дериватов. Так, в корпусе зафиксировано более 500 документов с нормативным написанием *агресія*, как в примере (13):

- (13) [...] відсутність належної реакції на порушення *агресорами* норм міжнародного права, а також політика поступок заохотили комуністичний і нацистський режими до агресії, а в результаті - до розподілу Європи [...] (*Про декларацію пам'яті* [...], Постанова, 20.10.2016)

Написание с Ґ встретилось только в одном документе, также переводном. Его фрагмент приведен в примере (14):

- (14) За словами пані Окстад, під час розмови за реалістичних умов [L.] розповідала про “домагання, лапання, погрози та *агресію* з боку [заявника]”. (*Справа “О. Проти Норвегії”*, Рішення Ради Європи, 11.02.2003)

Что касается термина *агентство*, то написание с Г, то есть в соответствии с действующей нормой, встретилось более чем в 5000 документах, а вариант с Ґ, соответствующий Харьковскому правописанию, зафиксирован в 3 документах. Примеры (15) и (16) показывают оба варианта в контексте:

- (15) *Агентство* — юридична особа, яка здійснює продаж авіаційних перевезень за дорученням авіаперевізника або Генерального агента. (*Про затвердження Положення про сертифікацію* [...], Наказ, 27.12.1999)

- (16) Національне *агентство* з питань розвитку та європейської інтеграції [...] (*Про орієнтований план проведення засідань* [...], Постанова, 25.12.1998, № 2060)

Наконец, термин *агітація* встретился в корпусе исключительно в нормативном написании, а именно – в 1271 документах, его иллюстрирует пример (17):

- (17) Агітація референдуму - це здійснення будь-якої діяльності, яка спонукає учасників всеукраїнського референдуму голосувати [...] (*Про український референдум*, Закон, 06.11.2012, № 5475-VI)

Ничтожно малые значения для вариантов *міграція*, *агресія*, *агентство* и нулевой показатель для варианта *агітація* показывают, что в языке законодательства тенденция к расширительному использованию буквы в соответствии с Харьковским правописанием не имеет места.

5. Заключение

Основной результат проведенного исследования состоит в том, что возвращение буквы Г, декларированное 25 лет тому назад, сегодня можно считать узально подтвержденным фактом даже в такой жестко руссифицированной в советский период сфере как тексты законодательства. Дифференцированные статистические данные говорят о том, что более последовательно новая официальная норма применяется для высокочастотных терминов (*грунт* и однокоренные). Синхроническая вариативность обусловлена, скорее, социолингвистическими факторами: она не зависит от лингвистического контекста, а использование конкурирующего варианта с Г в том же самом документе говорит о высокой орфографической инертности. Исследование диахронической вариативности показало, что в целом ревитализация буквы Г проходила успешно. Вместе с тем нужно отметить, что она носила не равномерно поступательный, а скачкообразный, местами – реверсивный характер. В будущем было бы интересно исследовать причины устойчивого реверса конца 1990-ых гг. и другие зоны вариативности в правописании. Что касается норм Харьковского правописания 1928, то они не находят применения в языке законодательства, однако нельзя исключать, что именно их применение в других сферах коммуникации, равно как и широкая дискуссия о правописании в научном сообществе и СМИ, sensibilizировали общественное мнение и в целом способствовали восстановлению украинской орфографической традиции.

Учитывая, что Украине еще придется решать задачи консолидации и стабилизации правописания, хотелось бы напомнить об опыте орфографической кодификации в Германии. Когда в 1901 году (через 30 лет после основания единого немецкого государства) было официально кодифицировано единое правописание, в орфографическом узусе там наблюдалась не менее сложная ситуация, чем в Украине начала этого тысячелетия. К концу прошлого века исследования правописательной практики

Германии констатировали уже очень незначительный уровень вариативности: “Die geringe Variabilität bzw. Varianz der graphischen Norm, also der Rechtschreibung, steht auch mit dem hohen Grad ihrer gesellschaftlichen Verbindlichkeit im Zusammenhang” (Lasselsberger 2000: 16). Высокой степени социальной обязательности – это то, чего, как кажется, не хватает украинскому правописанию сегодня. В том числе, в использовании возвращенной буквы.

Сокращения

- СУМ-11: *Словник української мови в 11 томах*, Київ 1970-1980, ср. <<http://sum.in.ua/>> (15.05.2017).
- УП93: *Український правопис*, Київ 1993.
- УП99: *Український правопис (проект найновішої редакції)*, Київ 1999.

Література

- Альберда 2014: Т. Альберда, *Труднощі правопису. Част. 1, 2, 3*, “Я-Корреспондент”, 2014, 14/09, 20/09, 22/09, <<http://blogs.korrespondent.net>> (15.05.2017).
- Антоненко-Давидович 1969: Б.Д. Антоненко-Давидович, *Літера, за якою тужать*, “Літературна Україна”, IV, 1969, с. 11.
- Білокінь 2010: С. Білокінь, *Доля членів Центральної Ради в СРСР*, “Українська правда”, XVII, 2010, 10, <<http://istpravda.com.ua/research/2010/10/17/601>> (15.05.2017).
- Бурячок 2002: А.А. Бурячок, *Орфографічний словник української мови*, Київ 2002⁴.
- Вихованець 2004: І. Вихованець, *Ненаукові пристрасті навколо українського правопису*, “Українська мова”, 2004, 2, с. 3-25.
- Головащук и др. 1994: С.І. Головащук и др. (уклад.), *Орфографічний словник української мови*, Київ 1994.
- Головащук 2001: С.І. Головащук, *Про деякі пункти найновішого “проекту” українського правопису*, “Літературна Україна”, XVIII, 2001, 2, с. 4.
- Голоскевич 1929: Г. Голоскевич, *Правописний словник (за нормами Українського Правопису Всеукраїнської Академії Наук)*, Харків 1929, ср. <<http://r2u.org.ua/data/Правописний%словник%20%281929%29.pdf>> (15.05.2017).
- Григор’єва 2013: О. Григор’єва, *Чим більшовицькій системі не догодила літера Г*, “Дзеркало тижня. Україна”, 2013, 3, <<http://gazeta.dt.ua/CULTURE/chim-bilshovickiy-sistemi-ne-dogodila-litera-g.html>> (15.05.2017).

- Грицак 1995: П. Грицак, *Деякі проблеми української букви "ґ"*, "Нові дні", 1995, 5, с. 6-7.
- Закревська 1995: Я. Закревська, *Олекса Горбач. Життєписно-бібліографічний нарис*, Львів 1995.
- Кужельний 2016: О. Кужельний, *Агресія наготи*, "Критика", 2016, 11, <<https://krytyka.com/ua/articles/agresiya-nahoty>> (15.05.2017).
- Купчинський 1996: О. Купчинський (ред.), *Український правопис і наукова термінологія: історія, концепції та реалії сьогодення. Матеріали засідань мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1994-1995 років*, Львів 1996 (= Праці сесій, конференцій, симпозіумів, круглих столів НТШ. Філологічна секція, 7).
- Купчинський 1997: О. Купчинський (ред.), *Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми і сучасність. Матеріали засідань мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 років*, Львів 1997 (= Праці сесій, конференцій, симпозіумів, круглих столів НТШ. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Філологічна секція, 9).
- Мазніченко *и др.* 2015: Є.І. Мазніченко, Н.М. Максименко, О.В. Осадча, *Український правопис*, Київ 2015.
- Маргалик 2005: В. Маргалик, *Відображення правописних проблем у мовленні українських тележурналістів*, в: Н. Шумарова (ред.), *Стиль і текст: науковий збірник*, VI, Київ 2005, с. 180-185.
- Масенко *и др.* 2005: Л. Масенко *и др.* (упоряд.), *Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду: документи і матеріали*, Київ, 2005.
- Німчук 2001: В.В. Німчук, *Сучасні проблеми українського правопису*, "Літературна Україна", XI, 2001, 1, с. 4-10.
- Німчук 2002: В.В. Німчук, *Проблеми українського правопису XX-початку XXI ст.*, Київ 2002.
- Німчук 2012: В.В. Німчук, *Про сучасну українську тлумачну лексикографію*, "Українська мова", 2012, 3, с. 3-30.
- Огієнко 2001: І. Огієнко, *Історія української літературної мови*, Київ 2001, (Вінніпег 1949¹), *ср.* <<http://litopys.org.ua/ohukr/ohu20.htm>> (15.05.2017).
- Паночко 1993: М. Паночко, *Довідник слів із літерою г*, Київ 1993.
- Пономарів 1997: О. Пономарів, *Фонемі Г та Ґ. Словник і коментар*, <<http://ukrlife.org/main/prosvita/1p0.htm>> (15.05.2017).
- Пономарів 2002: О. Пономарів, *Український правопис у запитаннях і відповідях*, "Українська мова", 2002, 4, с. 107-114.
- Русанівський 1969: В.М. Русанівський, *За чим тужити?*, "Літературна Україна", XXVIII, 1969, 11.

- Русанівський 2002a: В.М. Русанівський, *Стосунок “проекту” до реального українського правопису*, “Мовознавство”, 2002, 6, с. 92-98.
- Русанівський 2002б: В.М. Русанівський (гол. ред. кол.), *Мовна ситуація в Україні та дискусії навколо українського правопису: збірник матеріалів семінару Київського проекту Ін-ту Кеннана, 28 листопада 2002 р.*, Київ 2002.
- Сіренко, Кузишин 2009: Г.О. Сіренко, О.В. Кузишин, *Історія вживання літери [r] в українській науковій термінології*, Івано-Франківськ 2009, с. 95-101 (= Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Серія Хімія, 7).
- Синявський 1931: О. Синявський, *Коротка історія “Українського правопису”*, в: *Культура українського слова*, І, Харків 1931, с. 93-112.
- Синявський 1941: О. Синявський, *Норми української літературної мови*, Львів 1941.
- Фаріон 2004: І. Фаріон, *Правопис – корсет мови? Український правопис як культурно-політичний вибір*, Львів 2004.
- Харченко 2004: К. Харченко, *Правописний fin de siècle: галузнення як діагноз*, “Дзеркало тижня”, 2004, 4, <https://gazeta.dt.ua/CULTURE/pravopisniy_fin_de_siecle_galuzhennya_yak_diagnoz.html> 15.05.2017).
- Чепурко 2014: К. Чепурко, *Відхилення від норм української літературної мови при передачі літери Г у словах іношомовного походження (на матеріалі сучасних українських газет)*, в: І.С. Попова (за ред.), *Дослідження з лексикології і граматики української мови. Збірник наукових праць*, XV, Дніпропетровськ 2014, с. 162-170.
- Berger 2014: K. Berger, *Untersuchungen zur Kodifizierung des Ukrainischen: Rechtsschreibreformen und ihre Umsetzung in Galizien zwischen 1919 und 1938*, Wien-Berlin-Münster 2014 (= Slavische Sprachgeschichte, 8)
- Berruto 2007: G. Berruto, *Fondamenti di sociolinguistica*, Roma-Bari 2007.
- Bulli 2007: E. Bulli, *La situazione linguistica in Ucraina tra passato, presente e futuro. I risultati di una ricerca sociolinguistica*, “Quaderni del Dipartimento di Linguistica – Università di Firenze”, XVII, 2007, pp. 13-32.
- Besters-Dilger 2003: J. Besters-Dilger (Hrsg.), *Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergründe und Perspektiven*, unter Mitarbeit von Irma Oswald, Wien 2003.
- Flier u др. 2017: M.S. Flier, A.Graziosi, L.A. Hajda (eds.), *The Battle for Ukrainian*, Harvard 2017.
- Goletiani 2015: L. Goletiani, *Zur Übersetzung deontischer Modalmarker ins Ukrainische: eine korpusgestützte Untersuchung anhand des Korpus von den EU-Richtlinien*, “Zeitschrift für Slawistik”, LX, 2015, 2, pp. 269-293.

- Goletiani 2016: L. Goletiani, *Deontic Modality in Legal Ukrainian: Focus on the Synthetic Future of Imperfective Verbs*, in G.E. Garzone, D. Heaney, G. Riboni (eds.), *Language for Specific Purposes: Research and Translation across Cultures and Media*, Cambridge 2016, pp. 275-300.
- Gries 2008: S.T. Gries, *Statistik für Sprachwissenschaftler*, Göttingen 2008.
- Lasselsberger 2000: A.M. Lasselsberger, *Die Kodifizierung der Orthographie im Rechtschreibwörterbuch*, Tübingen 2000.
- Moser 2013: M. Moser, *Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine under President Viktor Yanukovich*, Stuttgart 2013.
- Nerius 1989: D. Nerius, *Deutsche Orthographie*, Leipzig 1989.
- Oswald 2003: I. Oswald, *Der ukrainisch-russische Sprachkontakt*, in: J. Besters-Dilger (Hrsg.), *Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergründe und Perspektiven*, unter Mitarbeit von Irma Oswald, Wien 2003, pp. 309-336.
- Shevelov 1989: G.Y. Shevelov, *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900-1941). Its States and Status*, Cambridge (MA) 1989.
- Yekelchik 2015: S. Yekelchik, *The Early 1960s as a Cultural Space: a Microhistory of Ukraine's Generation of Cultural Rebels*, "Nationalities Papers", XLIII, 2015, 1, c. 45-62.

Abstract

Liana Goletiani

The Letter that was Missing. On the Return of the Letter І to the Ukrainian Legal Language

This paper is about the orthographic variability of the Ukrainian contemporary legal language. The focus will be on the usage of the letter "І" (ge with upturn). During the Soviet age this letter was codified in the orthographic norm of Charkiv (1928) but in 1933 it was taken out of the Ukrainian alphabet because of the Soviet Russification policy. It fell out of usage for decades, but was reintroduced on the eve of Ukrainian independence in 1990. This study was carried out on a corpus of Ukrainian legal documents from the last 25 years. Regardless of varying results for discrete words, the figures show unequivocally that the letter has returned to active linguistic usage.

Keywords

Legal Ukrainian; Orthographic Variability; Language Policy in the Soviet Union.